

Глава 9 Предательские амбиции

Чи Хань толкнул дверь и вошёл в вип-комнату. Внутри царил хаос: Сунь Кайнин самозабвенно завывал в микрофон, и только Сюй Янчэн, единственный верный друг, делал вид, что слушает. Остальные присутствующие, зажав уши, вжались в углы диванов, явно страдая от этого «вокального террора».

Сунь Кайнин вовремя сообразил: если он продолжит в том же духе, его просто размажут по полу. Он изящно отложил микрофон и принял из рук Сюй Янчэна стакан тёплой воды, чтобы смочить горло. Но едва юноша собрался что-то сказать, как до его носа донёлся отчётливый аромат мяты. Лицо Сунь Кайнина мгновенно изменилось. Переглянувшись с товарищем, который тоже всё почувал, он понизил голос:

— Ты что, заезжал к Цинь Вэню?

Чи Хань покосился на него, и взгляд его не предвещал ничего хорошего.

— Тебе-то какое дело до него? — недовольно буркнул он.

— Да брось! Все знают, что мне нравятся девушки, — поспешно оправдался Сунь Кайнин. — Дело в запахе. Кроме Цинь Вэня, я не встречал ни одного Омегу с ароматом мяты.

Запах феромонов в определённой степени отражал характер и натуру Омеги. Большинство из них источали сладкие, нежные ароматы. Некоторые даже обращались в клиники, чтобы сменить свой естественный запах на более «модный». Пару лет назад на пике популярности была клубника, и Сунь Кайнину тогда казалось, что он буквально тонет в клубничном соке. Позже выяснилось, что такие манипуляции вредят железе, а эффект длится всего год, и мода поутихла. Но Омеги всё равно стремились пахнуть в угоду трендам. И только Цинь Вэнь оставался неизменным: его мятный аромат — холодный, чистый и лишённый всякой приторности — всегда казался глотком свежего воздуха.

— Запах очень густой, — подтвердил Сюй Янчэн.

Чи Хань молча отхлебнул вина. В его янтарных глазах отразились блики света, и взгляд его сейчас казался куда мягче обычного.

— Ладно, все свободны, — скомандовал Сунь Кайнин, заметив состояние друга.

Присутствующие в углу люди восприняли это как помилование и бросились к выходу. Двое Омег явно не хотели уходить, пожирая Чи Ханя глазами, но под холодным взглядом хозяина вечеринки они, понурившись, тоже покинули комнату.

— Дай-ка я угадаю... — Сунь Кайнин откинулся на спинку дивана с самым несносным и

ехидным видом. — Это история о великом и запоздалом раскаянии! Пока человек был рядом, заботился о тебе и потакал всем капризам, ты воспринимал его как воздух — не замечал и не ценил. А как только он исчез, вдруг понял, что стало трудно дышать.

Чи Хань всегда был человеком сдержанным и властным. Даже такие выдающиеся Альфы, как его друг, на его фоне бледнели. Сколько Сунь Кайнин его знал, этот человек никогда не проигрывал, всегда шёл напролом, не считаясь ни с чьим мнением. И вот теперь, когда представился редкий случай увидеть его в замешательстве, как было не ударить по больному? Лучшие друзья именно так и поступают.

Однако Чи Хань ответил на это с неожиданной серьёзностью, словно искренне ища совета:

— Ты хочешь сказать, что я жалею о случившемся?

Сунь Кайнин поперхнулся словами.

«Неужели Альфы высшего уровня в делах сердечных — полные идиоты?»

— А зачем бы ты стал снова и снова искать встречи с ним? — подал голос Сюй Янчэн. Его черты лица были тонкими, почти лишёнными привычной для Альф мужественности, и говорил он обычно мало, но всегда в точку. — Ты даже хочешь его пометить. Чи Хань, Альфа задумывается о метке только тогда, когда Омега ему по-настоящему дорог.

Пальцы Чи Ханя, сжимавшие бокал, заметно напряглись. Слова собеседников обрушились на него градом ударов, заставляя сердце болезненно сжаться. Это было похоже на внезапное озарение — он наконец-то начал нащупывать истинную причину своего странного поведения.

Действительно, развод был запланирован ещё три года назад, и сейчас он просто довёл дело до конца. Но Чи Хань не ожидал, что присутствие Цинь Вэня в его жизни станет настолько незаменимым. Видит бог, всё последнее время он сам не находил себе места от этого грызущего чувства дискомфорта.

— Цинь Вэнь всё ещё любит тебя? — осторожно спросил Сюй Янчэн.

— Любит, — уверенно кивнул Чи Хань. Он чувствовал, что тот всё ещё очень от него зависит.

— Ну так в чём проблема! — Сунь Кайнин в делах любви был куда проще и не держался за пресловутую «гордость Альфы». — Он тебе нравится, ты хочешь, чтобы он был твоим, и понимаешь, что причинил ему боль. Так загладь свою вину!

— И как мне... загладить её?

— Просто начни относиться к нему по-человечески, — Сунь Кайнин посмотрел на него как на безнадёжного больного. — Когда ты искренне любишь кого-то, ты инстинктивно хочешь делать для него что-то хорошее. Понимаешь? Инстинктивно!

Чи Хань, кажется, начал что-то осознать. Он внезапно поднялся с места.

— Я понял.

— Эй, ты куда? Мы же только начали! — изумился друг.

— Заглаживать вину, — коротко бросил Чи Хань.

Сунь Кайнин только усмехнулся:

— Кто бы мог подумать...

Несмотря на громкие слова, Чи Хань всё равно действовал неуклюже.

Когда он припарковался у дома Цинь Вэня, в окнах гостиной горел свет. Он невольно задумался: поужинал ли этот упрямец?

Благодаря полученной порции феромонов, Цинь Вэнь сегодня чувствовал себя на редкость хорошо. Туман в голове рассеялся, и к вечеру он ощутил прилив сил. Юноша отварил перепелиные яйца, быстро обжарил говядину с зелёным перцем и пекинской капустой. Еда не вызвала привычного отвращения. После ужина он одной рукой лениво листал форум для беременных Омег, читая чужие истории, а другой — разбирал рабочую почту, отвечая на письма по контрактам.

Ситуация была до абсурда нелепой. Цинь Яошэн презирал сына за его статус, но при этом всю эксплуатацию его таланты. В то же время он панически боялся давать Цинь Вэню реальную власть. В итоге все решения в компании принимал Омега, но официально он лишь готовил отчёты для отца, который милостиво кивал после ознакомления. За годы работы в Корпорации «Цинь» Цинь Вэнь числился обычным менеджером — у него не было даже личного ассистента. Отец требовал от него полной прозрачности и личного участия во всём.

С его способностями он давно мог бы найти место получше, но... он был Омегой.

Именно на это и ставил Цинь Яошэн. Он был уверен: за пределами семейного бизнеса сын никому не нужен.

Цинь Вэню ничего не оставалось, кроме как приспособливаться. Ему нужно было на что-то жить в этом мире, который на словах декларировал «Закон о защите Омег», а на деле был полон предрассудков.

К счастью, в деньгах отец его не обделял: Цинь Вэнь получал честный процент с каждой закрытой сделки. За несколько лет он накопил приличную сумму и теперь твёрдо решил уйти из компании. Он планировал навсегда покинуть Мочэн, и заявление об увольнении было отправлено ещё днём.

Едва он закончил отвечать на очередное письмо, как зазвонил телефон. На экране высветилось имя отца.

— Да, папа.

— Что за цирк ты устроил?! — Голос Цинь Яошэна так гремел от ярости, что у Цинь Вэня болезненно сжалось сердце.

Он невольно согнулся, прижав руку к груди. Во время беременности Омеги часто страдали от учащённого сердцебиения и одышки; Цинь Вэнь знал об этом и принимал лекарства, но даже они не спасали от внезапных нападок родителя.

— Что, крылышки окрепли? Возомнил о себе невесть что?! — продолжал орать Цинь Яошэн. — Ты хоть понимаешь, что станет с Корпорацией «Цинь», если ты сейчас уйдёшь?

Цинь Вэнь горько усмехнулся, глядя в пустоту перед собой:

— Корпорация никогда не была в моих руках. Раз ты хочешь, чтобы я заботился о семейном деле, почему бы не дать мне реальные полномочия?

— Так я и знал... — холодно процедил Цинь Яошэн. — Ты всегда только и думал, как бы прибрать к рукам моё имущество. Предательские амбиции!

— Вот как? — Цинь Вэнь почувствовал, как силы окончательно покидают его.

Сколько бы он ни старался, ледяное сердце этого человека было невозможно отогреть.

Цинь Яошэн ещё долго изрыгал проклятия, но Цинь Вэнь его уже не слышал. Даже когда на том конце повесили трубку, в ушах ещё долго стоял гул. Он бессильно натянул на плечи плед и застыл, не в силах пошевелиться.

Беременный Омега нуждался в заботе и поддержке близких, но Цинь Вэнь был лишён этого. Вместо тепла те, кто назывался его семьёй, лишь глубже вгоняли нож в его израненное сердце.

Чи Хань прождал в машине три часа. Было уже за полночь, когда он снова взглянул на окна — свет всё ещё горел.

«Это ненормально», — подумал Альфа.

Он вышел из машины. Цинь Вэнь был болен, ему давно следовало спать.

<http://bllate.org/book/15356/1416001>